

ПРЕДИСЛОВИЕ

«Иванов день — самый долгий день года. В полуденный час на берегу моря у полуострова Менхгут появляются из вод моря необычные существа с прекрасным лицом человека и рыбьим хвостом — это русалки. Каждая из них приносит золотые чаши с королевскими угощениями. Они садятся на край Божьего камня, и трапеза начинается. После они танцуют на камне и водят веселые хороводы, поют свои песни. Лишь тому, кто родился в полдень Иванова дня, дано видеть танец русалок на камне. К счастью, таких немного. Ибо, если русалки заметят, что человек смотрит на них, пропадет он. Колдовскими чарами увлекают они несчастного в морскую пучину, и не возвращается больше тот человек к своим родным никогда. В темную же Вальпургиеву ночь — первую ночь мая — у камня происходят жуткие вещи. Шумом и криками наполняется воздух: это ведьмы летят на шабаш на своих метлах и встречаются на Божьем камне. Здесь происходит адское представление, когда они заводят свой танец — оглушающий шум какофонии разносится над морем. Но с первым ударом колокола ведьмы покидают камень, и он снова лежит один, в ночной темноте...»

Выбор легенды — одной из множества красивейших народных легенд, которыми овеян Север Германии, — в качестве эпиграфа к научной монографии неслучаен. Может быть, это поможет читателю прочувствовать необычную ауру региона, с историей и символами которого ему предстоит познакомиться. Итак...

Как известно, этнические процессы наиболее ярко проявляются в регионах длительного совместного проживания двух (или более) этносов, один из которых постепенно утрачивает этническую самостоятельность и ассимилируется доминирующим этносом. Примером подобного региона в современной Европе может служить Северная Германия, территорию которой в ходе миграционных процессов с V по VII вв. заселили полабские славяне — большая группа западно-славянских племен. Для их обозначения в отечественной научной литературе используются также термины «балтийские славяне», «полабо-прибалтийские славяне», а в немецкой научной традиции — «венды». Они делились на племенные союзы (руян, лютичей, ободритов, вильцев, лужицких сербов (немецк. сорбов) и др.), которые, в свою очередь, состояли из многочисленных отдельных этнических общностей. На рубеже I–II тыс. н.э. племена полабских славян занимали территорию от реки Эльбы (Лабы) и ее притока Заале (Салы) на западе до реки Одер (Одры) на востоке, от Рудных гор на юге до Балтийского моря на севере. В XI–XIII вв. территории, заселенные полабскими славянами, подверглись экспансии со стороны

немецких феодалов, а также немецкой колонизации, следствием чего явились насильственная христианизация и германизация местного населения. В результате славянополабская этническая общность исчезла с этнолингвистической карты Европы. Исключения составляют лужицкие сербы — национальное меньшинство юго-восточных областей Германии в районе городов Дрезден—Котбус—Баутцен (современная федеральная земля Саксония — Свободная республика Саксония).

Из истории функционирования этносов известно, что ни один из них не появляется «ниоткуда» и не исчезает «в никуда», а если ассимилируется другим этносом, то длительное время сохраняет специфические черты, так или иначе участвуя в формировании нового этноса и передавая ему отдельные культурные элементы [Мыльников, 2002: 175–178]. При этом элементы культуры утрачивают роль символов этнической принадлежности и сохраняются неосознанно, а для их выявления требуются специальные исследования. Так, немецкие ученые в середине XX в. выявили остатки славянополабской этнической общности при изучении населения северных регионов Германии. Для изучения немецкой этнической истории важно правильно понять и оценить место славянополабской этнической общности в формировании северонемецкого субэтноса и его культуры. Продолжение исследования судьбы славянских рудиментов, которые в последний раз были зафиксированы немецкими коллегами-этнографами в середине прошлого века, в начале нового тысячелетия видится актуальным. Такую задачу ставит перед собой эта книга.

В многоликкой Германии, долгое время разделенной границами княжеств, сформировались различные культурно-территориальные традиции, бережно хранимые до наших дней. У каждой земли есть свои маркеры, безошибочно распознаваемые представителями «своей» и «чужих» культурно-территориальных традиций. Северная Германия занимает в этом ряду особое место. Маркеры северонемецкой (и не только) традиции — ландшафт, кухня, постройки, язык и важные доминанты коллективной исторической памяти населения. Первое, что бросается в глаза путешественнику из западных, южных или центрально-германских областей, — равнинный, порою монотонный, ландшафт материковой части и обилие непонятных немецкому слуху названий деревень и городов: Кривитц, Плюшов, Каммин, Барков, Дашов, Тетеров, Гюстров, Бург Старгард, Нойстрелитц, Дёмитц, Милов, Лютцов, Белов, Миров, Вустров, Загард, Рибниц...

Употребляя наименование «Северная Германия», под которым понимаются земли ФРГ севернее Берлина, автор лишь следует сложившейся в немецкой научной литературе традиции. Учитывая необъятность этнографического материала, неизучен-

ного полностью, мы ограничили географический ареал, хронологические рамки и предмет исследования. Пространство исследования — острова Балтийского моря, исторические области Передняя Померания, Мекленбург-Шверин и Мекленбург-Штрелиц, а также Ганноверский Вендланд и Люнебургская пустошь, что соответствует современным федеральным землям Мекленбург-Передняя Померания и Нижняя Саксония. Хронологические рамки работы — вторая половина XX в. Для выявления исторической динамики культурных процессов и объектов исследования также использованы данные XVII – первой половины XX в. Предмет исследования — духовная сфера культуры и все проявления коллективной исторической памяти.

Выбор предмета исследования требует некоторых пояснений. Во-первых, духовные формы культуры иногда в большей степени, чем материальные (поскольку в современном мире культура унифицируется в своих материальных формах), сохраняют локальную специфику. Во-вторых, методологический подход, положенный в основу книги, базируется на концепции, известной в европейской науке под названием «*lieux de memoire*» ‘места памяти’ (немецкое соответствие — *Erinnerungsorte* ‘памятные места’). Эта концепция была сформулирована в 1920-е гг. во Франции Морисом Хальбваксом, разработавшим ее на французском материале [Halbwachs, 1967], а затем его последователем, нашим современником, Пьером Нора, произведения которого переводились на многие языки, в том числе русский [Nora, 1989; Nora, 1990; Nora, 2005; Нора, 2005: 391–403]. Концепция являет собой своеобразную альтернативу традиционной национальной историографии, которая удовлетворяет современной потребности в новом взгляде на прошлое и идентификации его символов — неких констант, с которыми в памяти представителей данной нации связывались значимые исторические вехи. Таким образом, история нации предстает в свете концепции *lieux de memoire* не как хронологическая последовательность событий и их «объективное» описание и интерпретация, а как набор субъективных ассоциаций, которые рождаются у представителей данной нации в связи с символами. Такими символами могут выступать значимые люди (политики, военачальники, писатели, художники и т.д.), имена, топонимы, события, материально существующие объекты или произведения литературы, искусства и т.п. Иначе говоря, это проявление коллективной исторической памяти нации. Концепция «*lieux de memoire*» универсальна, поскольку непосредственно связана с самосознанием как непременным свойством этнической общности [Nora, 2001 (III): 680–686]. В этом ключе именно духовная сфера культуры включает и определяет самосознание как элемент,

важнейший для формирования картины своего прошлого у носителей традиции.

Отчасти с концепцией «*lieux de memoire*» пересекается этническая имагология (термин, предложенный в 1990-х гг. А.С. Мыльниковым). Как один из аспектов области знаний о представлениях и образах, возникшей в середине XX в. и разрабатываемой психологами и литературоведами*, этническая имагология рассматривает генезис и функционирование образов, эндо- и экзопредставлений о мире, истории и этнических общностях на коллективных, групповых и личностных уровнях [Мыльников, 1999: 12–14]. При этом этническая имагология имеет дело с вторичными, отраженными фактами, а именно — с представлениями этносов о себе, своей культуре, ценностях, истории. Таким образом, ведению этнической имагологии подлежат субъективные образы и ассоциации, которые рассматривает и современная концепция истории «*lieux de memoire*». Национальный менталитет, историческая память, этнокультурные стереотипы как важнейшие элементы этнической имагологии, взятые в единстве, открывают возможности понимания скрытых психологических механизмов этнокультурного взаимодействия.

Данная книга представляет вниманию читателя авторский взгляд на специфику функционирования фольклора и некоторых представлений современных жителей Северной Германии, отмеченной славяно-германским синтезом, о себе, своем прошлом, своей родине. Устное наследие прошлого сохраняется преимущественно сельской интеллигенцией — учителями, краеведами, местными активистами и любителями старины, а факты прошедшего помимо устно бытующих преданий черпаются, как правило, из популярных печатных изданий. Функционируя в этой среде, книжная информация претерпевает изменения, обрастая деталями, обогащаясь собственной интерпретацией, основанной на научных (отвечающих определенному времени) объяснениях. Иногда это приводило к рождению стойких мифологем, как, например, миф о славянском происхождении формы круговой деревни (немецкого рундлинга), который, хотя и был многократно опровергнут наукой конца XX в., продолжает оставаться реальностью для носителей традиции. Таким образом, мы имеем дело с определенными представлениями, которые так или иначе соотносятся с реальностью. Столь же богатую палитру представлений и образов предлагают легенды и предания.

* О разработках итальянского психолога Антонио Менегетти, немецкого литературоведа Манфреда Фишера и румынского литературоведа-компаративиста Александра Дуци в области имагологии или имагологии подробнее см.: [Мыльников, 1999: 11–12].

Современными исследователями термины «легенда» и «предание» трактуются неоднозначно. Кроме того, имеются различия в толкованиях терминов «предание» и «легенда» в русско- и немецкоязычной традициях и в рассмотрении соответствия этих жанров фольклорной прозы с исторической действительностью. Так, в немецкоязычной научной традиции *Legende* означает рассказ, имеющий церковно-религиозную окраску [Путилов, 1991: 68], ‘история о жизни и мученичестве святых’ [Langenscheidts, 1993: 606]. Мы не привлекаем к исследованию устные прозаические произведения в таком понимании термина, т.е. рассказы преимущественно христианской тематики. Жанр немецкого прозаического фольклора, который прежде всего подлежит исследованию, — *Sage* (*Volkssage*), а также *historische Sage*. Известно, что немецкий термин «*Sage*» обладает расширенной семантикой по сравнению с отдельными русскими эквивалентами. Относительно термина «*Sage*» В.Я. Пропп отмечал: «По своему характеру они очень разнообразны и распадаются в основном на предания исторические и мифологические» [Пропп, 1976: 118]. Немецкий термин «*Sage*» многозначен, обычно переводится на русский язык как ‘предание, сказание, легенда, былина’ [БНПС, 1969, 2: 280] и по существу обозначает все виды этих устных прозаических жанров (‘древнее повествование о героях, битвах или необыкновенных происшествиях’) [Langenscheidts, 1993: 814]. Однако в русской фольклористической традиции между ними есть существенные различия. Материал, которым мы располагаем, позволяет составить собственную классификацию, базирующуюся на следующих разграничениях: 1) термин «легенда» употребляется в качестве эквивалента немецкого «*Sage*» как рассказа, содержащего художественный вымысел и элемент сверхъестественного в реальной ткани повествования; 2) термин «предание» — в качестве эквивалента немецкого термина «*Sage*» как рассказа, не содержащего повествований о сверхъестественных событиях, ориентирующегося на сведен, топонимических ия из истории и воспринимаемого как реальность.

Отдельное место в этом ряду занимают топонимические, или географические, легенды — устные народные повествования этиологического содержания, привязанные к топониму, микротопониму* или обозначенному ими географическому объекту, часто содержащие вымысел в повествовании. Географические и топонимические легенды, народные этимологии топонима содержат наи-

* Микротопонимика — названия мелких природных объектов (полей, лугов, сенокосов), имеющие узлокальное распространение и функционирующие в устной речи местного населения; соответствует немецкому термину «*Flurnamen* (FN)».

более ценную и богатую этнолингвистическую и историческую информацию. В географических названиях отражаются личные имена, реалии социально-экономической жизни народа, природно-климатические особенности местности и — самое важное — определенные события истории [Суперанская, Никонов, 1969]. Со значительными географическими объектами и их названиями обычно связаны географические (топонимические) легенды и народные этимологии, позволяющие проследить духовную эволюцию населения через систему образов, ассоциаций и представлений.

Источники исследования можно объединить в следующие смысловые комплексы:

1) сочинения тематического содержания — монографии, диссертации и другие материалы немецкой историографии;

2) популярные краеведческие издания — собрания легенд и преданий северных районов Германии, составленные в конце XIX — начале XX в.;

3) лексикографические сочинения — словари и атласы топонимов Мекленбурга, немецкой Померании с островами Рюген и Узедом, междуречья Одера и Нейссе, Восточного Гольштейна, Польши, Чехии;

4) полевые архивные материалы — дневники экспедиции в Северную Германию, проведенной сотрудниками отдела европейстики Кунсткамеры в 2000 г.;

5) предметы из вещевых коллекций МАЭ РАН;

6) фотоиллюстративный материал из личного архива автора и фондов МАЭ РАН;

7) аудиозаписи интервью с информантами экспедиции 2000 г. в Северную Германию (ныне составляют аудиокolleкцию № А-2 Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого). Следует обратить внимание на методику собирания этого материала. Информантами экспедиции были представители сельского населения Ябельхайде и Ганноверского Вендланда. Нашим собеседникам предлагались вопросы об истории деревень, генеалогии семей и происхождении фамилий, о местной славянской топонимике и личных именах региона, об известных им примечательных мелких географических объектах, календарных обычаях и обрядах, деревенских и семейных праздниках, о приметах и суевериях, народной медицине и связанных с этой стороной жизни поверьях, культуре питания и блюдах местной кухни. Хронологически вопросы относились к различным временным срезам: настоящему времени (1990-е гг.), «временам ГДР» (1950–1980 гг.), «времени детства и юности» информанта (1920–1940 гг.) и «эпическому» времени рассказов родителей, предков (как правило, до 1900 г.). Иными словами, принцип отбора материала отвечал

целям исследования — выявить региональную специфику северо-немецкой народной культуры и ее субъективное восприятие носителями.

Предлагаемый читателю материал выстроен следующим образом. В первой части мы собрали и обобщили то, что было написано ранее в немецкой и русской историографии по «славяно-полабской» проблеме, акцентируя внимание на вопросе о верхних хронологических границах фиксации славянской культуры в Германии и причинах длительности сохранения вендов в некоторых местностях. Вторая, основная часть книги посвящена главному вопросу, который волнует автора: какими образами и символами наполнена картина истории нашего современника из деревень Северной Германии и каким он видит место своей малой родины и своих традиций в истории нации.

В поисках необходимых источников автор пользовалась фондами российских и германских библиотек, музеев и архивов. Наиболее плодотворными оказались разыскания в Немецком книжном собрании в Лейпциге, Библиотеке университета в Грайфсвальде, отраслевых библиотеках Института славистики и истории Грайфсвальдского университета им. Э.М. Арндта, библиотеке и архиве Института этнографии университета Росток («Воссидло-Архив»), Библиотеке Российской академии наук в Санкт-Петербурге, Российской национальной библиотеке (там же), библиотеке Гуманитарного центра по изучению истории и культуры Восточно-Центральной Европы в Лейпциге.

Автор выражает искреннюю благодарность руководству и сотрудникам этих учреждений, без помощи и содействия которых книга не была бы написана. Особо следует отметить помощь и эмоциональную поддержку немецких коллег и учителей, прививших мне любовь к Северу Германии, ее природе, — моего доброго друга и наставника профессора Манфреда Нимайера, профессора Зигфрида Нойманна, профессора Кристиана Любке, доктора Кристофа Шмитта и всех сотрудников «Воссидло-Архива» и Института славистики Грайфсвальдского университета — за теплую семейную атмосферу, которая окружала меня во время работы в Ростке и Грайфсвальде в 1998–1999 гг. Также хотелось бы вспомнить добрым словом всех информантов экспедиции, оказавших нам радушный прием и неоценимую помощь, в особенности Ханса-Йоахима Бётефюра, тетю Лотту Винке, Эли и Герхарда Гюнтеров.